Ал. Иновинъ
(К. Бархинъ).

ГИ95
Б279

Русское Учредительное Собраніе

I. Самодержавіе народа. II. Формы народоправства. III. Общее понятіе объ учредительномъ собраніи. IV. Старый порядокъ. Гражданскія свободы. V. Учредительное Собраніе 1789-1791 г. VI. Французское Учредительное Собраніе 1848 г. VII. Французскій парламентъ. VIII. Основы Русскаго Учредительнаго Собранія.

Цѣна 60 коп.

Одесса 1917 г.
Изданіе М. Козмана, Пушкинская, 57
Печатано въ собственной типографіи.

Ал. Иновинъ
(К. Бархинъ).

ГИ95
Б279 р

Русское Учредительное Собраніе

I. Самодержавіе народа. II. Формы народоправства. III. Общее понятіе объ учредительномъ собраніи. IV. Старый порядокъ. Гражданскія свободы. V. Учредительное Собраніе 1789-1791 г. VI. Французское Учредительное Собраніе 1848 г. VII. Французскій парламентъ. VIII. Основы Русскаго Учредительнаго Собранія.

Одесса 1917 г.
Изданіе М. Козмана, Пушкинская, 57.
Печатано въ собственной типографіи.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

1984

ГИ95
Б279 Р

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. В.К.П. (б.)

Т427/2б 91728 У

I. Самодержавіе народа.

Изъ всѣхъ принциповъ, провозглашенныхъ великой французской революціей, самый важный—принципъ самодержавія народа. Люди XVIII-го вѣка, провозгласившіе его, заложили крѣпкое зданіе новой теоріи народоправства. Первыя неоспоримыя послѣдствія, прямо вытекающія изъ этого плодотворнаго принципа, нашли себѣ выраженіе въ статьяхъ 3-й и 6-й «Декларацiи правъ человѣка и гражданина»,—благороднѣйшемъ памятникѣ мыслей и чувствъ націи, охваченной политическимъ воодушевленіемъ.

Вотъ что говорятъ эти знаменитыя статьи:

Ст. 3 «Источникъ всякой верховной власти пребываетъ въ народѣ; ни одно учрежденіе, ни одно лицо не можетъ осуществлять власти, если она не исходитъ прямо отъ народа».

Ст. 6. «Законъ есть выраженіе общей воли. Всѣ граждане имѣютъ право, лично или черезъ посредство своихъ представителей, участвовать въ его составленіи».

Положенія, утвержденныя Французскимъ Національнымъ Собраніемъ въ этихъ двухъ статьяхъ преобразовали весь политическій строй Европы. Онѣ были приняты въ Собраніи единогласно послѣ весьма непродолжительныхъ преній.

Революція была въ полномъ разгарѣ. Короля Людовика XVI, задержаннаго въ Варенѣ во время бѣгства, объявили плѣнникомъ народныхъ представителей. Монархія на глазахъ у всѣхъ трещала, разрушалась, и въ паденіи своемъ увлекла весь привычный укладъ жизни. Внизу волновался народъ; силы націи, подавленныя въ теченіе столѣтій грубымъ деспотизмомъ власти и своекорыстными расчетами дворянскаго сословія, бурно искали исхода.

Была ли, однако, Декларація 1789-го года совершенно самостоятельнымъ продуктомъ французской политической мысли?

Теперь считается уже доказаннымъ, что сильное вліяніе на французскую декларацію оказали декларацiи отдѣльныхъ штатовъ Сѣверо-американскаго союза (главнымъ образомъ, Виргинская декларація 1776 г.). Но перенесенныя черезъ океанъ, во Францію, американскія формулы, устанавливающія понятіе само-

державія народа, нѣсколько изрѣнились; онѣ приняли здѣсь болѣе общій, теоретическій характеръ и съ тѣхъ поръ являются основнымъ камнемъ, на которомъ воздвигалось зданіе конституцій всѣхъ странъ, всѣхъ народовъ...

Итакъ, народъ—самодержецъ; его царственная воля создаетъ законы; онъ властно опредѣляетъ формы общественной и политической жизни.

Еще римляне говорили: *законъ—это есть то, что прикажетъ и установитъ народъ* (Lex est quod populus jubet atque constituit).

Американская конституція, выработанная въ 1787 подъ предсѣдательствомъ Вашингтона, начинается такими словами:

«*Мы, народъ* Соединенныхъ Штатовъ, имѣя цѣлью образовать болѣе тѣсный союзъ, утвердить правосудіе, обезпечить внутренній миръ, принять мѣры для общей защиты, способствовать общественному благоденствію и обезпечить блага свободы какъ для насъ, такъ и для нашихъ потомковъ, мы устанавливаемъ эту конституцію для Соединенныхъ Штатовъ Америки».

Однако народъ, нація—вѣдь не реальное лицо, не единное живое существо съ одной душою, съ однимъ мозгомъ. Поэты говорятъ: «дитя-народъ», «старикъ-народъ»; «народъ-страдалецъ», «народъ-труженникъ...» Но все это только образныя выраженія; по существу своему народъ есть собраніе личностей, совокупность ихъ, и у него нѣтъ единой воли. То, что замѣняетъ эту единую волю есть совпаденіе желаній опредѣленнаго числа личностей, входящихъ въ составъ даннаго народа. Но и желанія у отдѣльныхъ личностей могутъ быть разныя, даже прямо противоположныя: какъ же быть тогда? «Равнодѣйствующая» желаній (голосовъ или какъ ихъ еще называютъ «вотумовъ»)—вотъ что принимается за выраженіе народной воли, за властный голосъ націи. Передъ этимъ голосомъ звала гражданъ преклониться американская и французская декларація правъ; передъ нимъ велитъ намъ преклониться вся новая исторія.

Воля народа—желанія большинства личностей, входящихъ въ составъ даннаго народа.

Можно ли, однако, назвать подающихъ голоса свободными, не подчиняющимися другимъ, еще болѣе властнымъ велѣньямъ, чѣмъ ихъ собственныя личныя желанія и убѣжденія? Напримѣръ, національнымъ инстиктамъ или приказамъ родной исторіи? Но «національные инстинкты» и «приказы исторіи»—все слова ту

манныя, понятія-спорныя, а практическій разумъ и ежедневный опытъ говоритъ намъ, что право—дитя свободы, а не необходимости.

По скольку люди пользуются вообще физической свободой, т. е. въ тѣхъ областяхъ дѣятельности, которыя предоставляются имъ законами природы, «никто не можетъ оспаривать» у свободныхъ и нравственно-отвѣтственныхъ людей, составляющихъ современныя націи, право располагать своми политическими судьбами».

Народъ, хозяинъ своей страны и сознательный творецъ своей будущей исторіи. Это поистинѣ самодержавный народъ; по волѣ его должна жить вся страна.

«Царемъ ты сталъ—скажемъ мы вслѣдъ за французскимъ патріотомъ поэтомъ Беранже—народъ, гонимый долго,—иди же въ храмъ, вѣнчай свое чело!»

II. Формы народоправства.

Нѣкоторые мыслители (среди нихъ знаменитый Ж. Ж. Руссо) высказывали въ своихъ сочиненіяхъ взглядъ, что народъ долженъ дѣлать самъ все то, что можетъ дѣлать, и поручать осуществленіе другимъ лишь того, чего самъ дѣлать не можетъ,—то есть для этихъ только цѣлей слѣдуетъ ему избрать должностныхъ лицъ, чиновниковъ, судей. Еслибъ была у насъ возможность рѣшительно всѣмъ поголовно принимать участіе въ выработкѣ государственныхъ законовъ—то мы бы, нашъ народъ, создали *прямое, непосредственное правительство* или *прямое народоправство.*

Такое непосредственное правительство было въ древнихъ Аѳинахъ, отчасти въ древнемъ Римѣ, въ древнихъ русскихъ городахъ (напримѣръ Новгородѣ).

Сходился народъ на площади и рѣшалъ свои дѣла: издавалъ законы, отмѣнялъ ихъ, объявлялъ войну, заключалъ миръ, приглашалъ князя или, наоборотъ, указывалъ ему «путь» т. е. убѣдительно просилъ оставить по добру-по здорову городъ, страну. Никто тогда и не представлялъ себѣ даже, что можно передать выполненіе законодательныхъ обязанностей какимъ-либо свободно избраннымъ изъ народной среды представителямъ.

Взрослое мужское населеніе, способное носить оружіе, созывалось, какъ мы уже говорили, на площади главнаго города и тамъ законодательствовало, судило, выбирало чиновниковъ.

У насъ, въ Россіи, въ древности народъ сходился на вѣче, рѣшалъ и свои очередныя дѣла и устанавливалъ общіе законы. До насъ дошли, напримѣръ, вѣчевыя грамоты Пскова и Новгорода. Тѣ же порядки прямого народоправства встрѣчаются и въ средневѣковой Европѣ и въ позднѣйшее время въ небольшихъ городскихъ республикахъ Германіи и Италіи. Нѣкоторыя области въ Швейцаріи (Швицъ, Ури, Унтервальденъ) до сихъ поръ держатся на началахъ прямого народоправства. Въ опредѣленные періоды времени все возмужалое населеніе области сходится вмѣстѣ, избираетъ обширную долину, способную всѣхъ вмѣстить, и здѣсь принимаются законодательныя постановленія. Но по мѣрѣ того, какъ государство растетъ, населеніе увеличивается, форма прямого народоправства является уже совершенно неосуществимой или крайне несправедливой. Могли ли сойтись на одну площадь, въ одно какое нибудь зданіе всѣ подданные древне римской республики? Конечно, не могли, и вотъ, за жителей всѣхъ прочихъ городовъ, вопросы рѣшали тогда лишь жители столицы государства,—Рима, рѣшали всегда, конечно, своекорыстно, не заботясь объ интересахъ провинціаловъ, и въ этомъ своекорыстіи, въ этомъ эгоизмѣ законодателей слѣдуетъ видѣть одну изъ причинъ гибели могущественнѣйшаго государства.

Въ виду этого въ новое время самодержавіе народа осуществляется въ большихъ государствахъ въ формѣ *представительнаго* образа правленія, т. е. путемъ избранія народомъ изъ своей среды депутатовъ, образующихъ особую законодательную камеру.

Такіе депутаты издаютъ законы совершенно свободно безъ всякаго принужденія со стороны правительства, и издаютъ ихъ отъ имени народа, который какъ будто выражаетъ черезъ нихъ свою волю и говоритъ ихъ устами. Граждане—избиратели посылаютъ въ законодательную камеру депутата, близкаго имъ по своимъ взглядамъ; этотъ депутатъ знаетъ, что къ каждому его слову прислушиваются избиратели, что ему придется дать избирателямъ подробный отчетъ въ своихъ общественно-политическихъ выступленіяхъ,—и потому можно смѣло сказать, что *каждая представленная личность живетъ и мыслитъ въ своемъ представителѣ.*

Во Французскомъ Учредительномъ Собраніи 1789 г. одинъ изъ ораторовъ—Сіейсъ—самымъ убѣдительнымъ образомъ указалъ на преимущества представительной формы народоправства передъ прямой.

Граждане могутъ облечь своимъ довѣріемъ нѣкоторыхъ изъ своей среды, достойныхъ этого довѣрія; не отчуждая своихъ правъ, они передаютъ лишь ихъ осуществленіе; во имя общей пользы, они избираютъ представителей, болѣе, нежели они, способныхъ понять государственные интересы и быть истолкователями ихъ собственной воли. Вѣдь далеко не всѣ граждане обладаютъ необходимымъ досугомъ, соотвѣтствующимъ образованіемъ, политическимъ опытомъ, умѣньемъ сознательно отнестись къ проектамъ законовъ, умѣньемъ краснорѣчиво и убѣдительно отстаивать свой взглядъ...

Можно было бы, конечно, соединить обѣ формы народоправства: прямую и представительную; можно было бы проектъ закона обсудить раньше въ камерѣ, состоящей изъ депутатовъ (т. е. въ представительномъ собраніи), а затѣмъ передать этотъ проектъ всему народу на окончательное рѣшеніе. Но этотъ способъ (*«референдумъ»*) заключаетъ въ себѣ много неудобствъ; въ немъ кроется даже большая общественная опасность.

1. Подобная система сильно тормозила бы дѣло законодательства: пока проектъ будетъ разсмотрѣнъ и палатой и народомъ, уплыветъ много драгоцѣннаго времени, и законы будутъ сильно отставать отъ жизни. Законы вообще отстаютъ отъ жизни, но при референдумѣ разстояніе отдѣляющее законъ и жизнь, еще болѣе увеличилось бы и стало бы прямо угрожающимъ.

2. Референдумъ уменьшитъ значеніе представительныхъ собраній: депутаты, зная, что ихъ труды по выработкѣ законопроектовъ носятъ лишь предварительный характеръ, будутъ относиться къ этому труду безъ особаго рвенія, можетъ быть, даже равнодушно и апатично. Народный вотумъ совершенно освобождаетъ депутата отъ отвѣтственности и онъ зашагаетъ въ дѣлѣ законодательства, что называется, черезъ пень-колоду.

3. Принятіе и отклоненіе народомъ законовъ нерѣдко будетъ дѣломъ простой игры случая.

Вотъ почему приходится отказаться отъ совмѣщенія двухъ противорѣчащихъ другъ другу началъ и остановиться исключительно на формѣ представительнаго народоправства.

III. Общее понятіе объ учредительномъ собраніи.

Камеры въ которыхъ обсуждаются и принимаются законы, могутъ быть двоякаго рода: 1) учредительныя собранія и 2) просто законодательныя собранія. Учредительныя собранія есть собранія представителей народа для выработки основъ новаго общественно-политическаго строя страны Задача учредительныхъ собраній—изданіе *конституціонныхъ* законовъ.

Что такое «конституціонные» законы?

Это законы, которые опредѣляютъ основныя положенія государственнаго строя даннаго государства.

Не всегда, впрочемъ, и не вездѣ сходятся ученые и практическіе дѣятели на одинаковомъ пониманіи словъ: «основныя положенія». Одному, конечно, можетъ казаться, что такое-то положеніе является основнымъ, самымъ существеннымъ положеніемъ и что оно должно потому найти себѣ мѣсто въ конституціи государства; другой же, наоборотъ, серьезнаго значенія этому положенію не придаетъ и считаетъ совершенно лишнимъ разсмотрѣніе его и принятіе въ учредительномъ собраніи. Приведенъ одинъ только примѣръ: нидерландская конституція 1887 г. содержитъ въ себѣ 209 статей, а три французскіе дѣйствующіе закона (24 и 25 февраля и 16 іюля 1875 г.) имѣютъ въ общей сложности 24 статьи, и каждая статья, въ среднемъ, по своему объему, равняется статьѣ нидерландской конституціи.

Большинство, однако, европейскихъ конституцій распадаются на слѣдующіе отдѣлы:

I. О территоріи (т. е. о земляхъ, которые входятъ въ составъ государства).

II. О народѣ и его правахъ (т. е. о правахъ гражданской свободы).

III. О властяхъ (народное представительство, король или президентъ, министры, судебная власть, органы самоуправленія).

IV. О финансахъ.

V. О вооруженной силѣ.

Эти отдѣлы встрѣчаемъ мы въ бельгійской конституціи 7 февраля 1831 г., въ конституціи прусской, румынской, греческой и др.

Другой, болѣе устойчивый признакъ конституціонныхъ законовъ состоитъ въ томъ, что порядокъ отмѣны или измѣненія для этихъ законовъ обыкновенно установленъ иной, чѣмъ для всѣхъ прочихъ законовъ, и при томъ болѣе сложный, имѣющій цѣлью гарантировать эти законы отъ частныхъ и случайныхъ перемѣнъ. Въ большинствѣ государствъ конституціонные законы пользуются особой формальной неприкосновенностью. Подобная неприкосновенность можетъ, конечно, выражаться въ разныхъ формахъ.

1. Въ однихъ государствахъ она проявляется въ нѣкоторыхъ отступленіяхъ отъ общаго парламентскаго дѣлопроизводства (въ Пруссіи, въ Австріи).

2. Въ другихъ—для пересмотра конституціи требуется роспускъ палатъ и созывъ новыхъ (въ Швеціи, въ Даніи, въ Бельгіи, въ Румыніи).

3. Наконецъ, есть государства, въ которыхъ вопросъ о пересмотрѣ конституцій разрѣшается сначала законодательнымъ собраніемъ, и принятое имъ измѣненіе конституціи подвергается затѣмъ всенародному голосованію (въ Австраліи, въ Чили, Боливіи и др.).

IV. «Старый порядокъ». Гражданскія свободы.

Первымъ изъ всѣхъ европейскихъ собраній, по своему историческому значенію, должно быть признано французское національное учредительное собраніе 1789—1791 г.

Франція наканунѣ великихъ событій 89-го года испытала всѣ прелести несчастнаго и хаотическаго режима. Все, что касается внутренней политики страны, было здѣсь неустойчиво, шатко, смутно, сбивчиво, противорѣчиво. Многіе законы не примѣнялись; много творилось вопреки закону. Вотъ почему всѣ сословія требовали раньше твердыхъ, неисмѣнныхъ правилъ во всѣхъ частяхъ управленія и государственнаго порядка, т. е. требовали установленія опредѣленной *конституціи*.

Существующій режимъ наказы называютъ режимомъ явнаго произвола и непостижимаго каприза. Никакихъ гарантій не существовало тогда ни для личности ни для имущества.

«Сколько мужей отнято отъ женъ, невинныхъ людей вырвано изъ семей—восклицаетъ одинъ наказъ—и отдано во власть мстительныхъ министровъ или ихъ подчиненныхъ! Всѣ классы гражданъ со слезами въ очахъ, съ отчаяніемъ въ сердцѣ просятъ о гражданской свободѣ».

Объяснимъ здѣсь терминъ «гражданская свобода».

Свобода гражданская есть свобода, принадлежащая каждой личности, личности, какъ таковой, совершенно независимо отъ ея принадлежности къ той или иной политической организаціи.

Эта свобода есть власть, принадлежащая человѣку, развивать и осуществлять во внѣ свою физическую и духовную дѣятельность; при этомъ государство не можетъ ставить личности другихъ ограниченій, кромѣ тѣхъ, которыя строго необходимы для свободы всѣхъ.

«Декларація правъ человѣка и гражданина 1789 г. содержитъ въ себѣ слѣдующее опредѣленіе гражданской свободы.

«Свобода состоитъ во власти дѣлать все, что не вредитъ другому; такимъ образомъ, осуществленіе естественныхъ правъ каждаго человѣка не имѣетъ другихъ границъ, кромѣ тѣхъ, которыя обезпечиваютъ другимъ членмъ общества пользованіе тѣми же правами. Эти границы могутъ быть установлены лишь закономъ».

Укажемъ здѣсь на главныя гражданскія свободы.

«Ни одинъ *человѣкъ*—какъ заявляетъ 7-я статья» Декларацiи правъ—*не можетъ быть обвиненъ, арестованъ или подвергнутъ заключенію*, какъ лишь въ случаяхъ, опредѣленныхъ закономъ и сообразно предписаннымъ имъ формамъ.

Никто не можетъ проникнуть въ жилище гражданина безъ его согласія; даже правительственные агенты могутъ проникнуть въ домъ или квартиру лишь въ силу рѣшенія судебной власти, при условіяхъ и въ формахъ, точно опредѣленныхъ закономъ.

Законъ въ нѣкоторыхъ странахъ (напр. въ Англіи) до такой степени считаетъ привилегированнымъ домъ частнаго лица,

что по выраженію самого закона,—это «крѣпость даннаго человѣка, и конституція не дозволяетъ, чтобы когда-нибудь нарушали это убѣжище безнаказанно».

Далѣе идетъ *свобода труда, торговли и промышленности.* Если законъ предоставляетъ личности свободу и развивать и направлять куда угодно ея физическую дѣятельность, то человѣкъ долженъ быть свободенъ трудиться, какъ онъ хочетъ, отдавать свою физическую силу (работу) внаймы другимъ, вырабатывать такой продуктъ, какой ему нравится, вести ту торговлю, какую онъ считаетъ для себя выгодной.

«Декларація правъ 1789 г.» провозгласила и столь цѣнную для личности и общества *свободу мнѣній.* «Никто не долженъ—заявляетъ знаменитая 10-я статья «Декларації»—быть обезпокоенъ за свои мнѣнія, даже и за религіозныя, лишь бы только ихъ проявленіе не нарушало общественнаго порядка, установленнаго закономъ».

Утверждая свободу мнѣнія, подъ нею не разумѣютъ не только утвержденіе неприкосновенности права каждаго думать и вѣрить внутренно такъ, какъ онъ хочетъ, но также и право выражать внѣшне и публично словомъ или писаніемъ то, что онъ думаетъ или то чему онъ вѣритъ. Такимъ образомъ свобода мнѣнія заключаетъ въ себѣ свободу религіознаго культа, *свободу собраній, свободу обученія, свободу печати и свободу петицій.* Подъ правомъ петицій понимаютъ обыкновенно принадлежащее личности право обращаться къ общественнымъ органамъ или правительственнымъ агентамъ съ письменнымъ заявленіемъ, въ которомъ гражданинъ излагаетъ свои мнѣнія, просьбы или жалобы.

Вотъ тѣ главные виды гражданскихъ свободъ, которые были провозглашены «Декларацією правъ». Среди нихъ нѣтъ какъ убѣдился читатель, одной, признаваемой нынѣ почти всѣми конституціями, нѣтъ *свободы союзовъ.* Если человѣкъ имѣетъ право свободно развивать свою дѣятельность, то онъ долженъ имѣть право свободно соединять ее съ дѣятельностью другихъ. Это положеніе кажется нынѣ столь яснымъ и неоспоримымъ, но лишь французская конституція 1848 г. признала особо «право гражданъ соединяться въ ассоціаціи» (союзы). Редакторы же

«Декларацiи» не только не видѣли въ свободѣ ассоцiацiй необходимаго слѣдствiя индивидуальной свободы, но ассоцiацiя имъ казалась возможнымъ нарушенiемъ самаго принципа личныхъ свободъ. Имъ казалось, что ассоцiацiи поведутъ къ возстановленiю ремесленныхъ цеховъ, сословныхъ корпорацiй и многаго другого, что стѣсняло въ старой Францiи развитiе личности.

Вернемся теперь отъ опредѣленiя видовъ гражданскихъ свободъ къ описанiю послѣднихъ лѣтъ господства во Францiи стараго порядка.

Дворянство города Бордо заявляетъ: справедливость и гуманность не позволяютъ терять ни минуты: широко распахните ворота тюремъ, гдѣ томятся невинныя жертвы каприза власти! Лишнiй часъ заточенiя этихъ жертвъ признается уже преступленiемъ общества, призваннаго оказывать защиту. «Просите, умоляйте его величество разорвать цѣпи на несчастныхъ!»

Каково было въ эти годы положенiе печати во Францiи?

Правительство предлагало публицистамъ высказываться свободно по вопросамъ дня... И, не смотря на это предложенiе, со стороны правительства (до мая 1789 г.) сыпались на бѣдныхъ журналистовъ самыя тяжелыя кары. Цензура, какъ муха осенью, передъ смертью, кусала особенно больно...

Самодержавная государственная власть во Францiи видѣла тогда въ свободѣ печати величайшую угрозу собственному существованiю и для устраненiя этой опасности шло на всѣ мѣры, понимая даже, что однѣ изъ нихъ должны показаться обществу жестокими, другiя—смѣшными.

Недовѣрiе къ типографскому промыслу дошло до того, что предписывалось никогда не запирать дверей типографiи, не имѣть на окнахъ занавѣсокъ, не имѣть нѣсколькихъ входовъ и выходовъ и т. п. Инспектора печати назывались въ обществѣ «шакалами». Они, дѣйствительно, бродили ночью по темнымъ кварталамъ Парижа, гдѣ были сосредоточены редакцiи газетъ, книжныя лавки.

Цензура писемъ совершенно уничтожила тайну частной корреспонденцiи. Дѣло дошло до того, что на почтовой станцiи въ Орлеанѣ было вывѣшено объявленiе: «просятъ писать письма

разборчиво!» На парижской почтѣ существовало особое бюро, уполномоченное вскрывать всѣ частныя письма, дѣлать изъ нихъ выдержки, отсылать эти письма дальше, по назначенію, или совершенно уничтожать ихъ. Письмо изъ Немура въ Фонтенебло, находящихся на растояніи 20 верстъ, шло черезъ Парижъ для просмотра въ бюро и находилось въ пути три-четыре дня. Одного типографа подвергли строгому тюремному заключенію за то, что у него нашли почтовую бумагу съ очень изящно напечатаннымъ и окруженнымъ даже вѣночкомъ изъ незабудокъ изреченіемъ: «Убивать людей на большой дорогѣ—безчеловѣчно, читать чужія письма—подло»...

Промышленность и торговля были въ самомъ жалкомъ положеніи. Надъ столицей, надъ провинціальными городами, надъ деревней постоянно рѣялъ призракъ голода. Боязнь голода прямо парализовала хлѣбную торговлю. Только очень немногіе наказы допускаютъ вывозъ хлѣба. Искусственныя предосторожности лишь поддерживали, конечно, нужду въ припасахъ первой необходимости. Посредствомъ неосторожныхъ законовъ и устрашающихъ распоряженій возбуждали ненависть и ярость народа противъ богатыхъ купцовъ; наличность запаса хлѣба, свѣчей, мыла и шерсти изобличалась, какъ тяжкое преступленіе.

Серьезной бѣдой старой Франціи были ея дороги. Иногда осенью, сообщеніе и совсѣмъ прерывалось на недѣлю-другую. Въ наказахъ отъ Парижа, напримѣръ, говорится, что выбоины искалѣчившія большую дорогу въ Труа, имѣющую громадное значеніе въ королевствѣ, какъ единственный путь доставки хлѣба изъ Бри въ столицу, дѣлаютъ ее совершенно непроѣзжей. Другой наказъ описываетъ клоаку, образовавшуюся на поворотѣ дорогъ Шампани и Ліона.

«У этой клоаки—читаемъ мы въ наказѣ сдѣлался заторъ грузовыхъ телѣгъ: одни ямщики вернулись обратно, другіе стоятъ съ грузомъ, ждутъ чуда, а время идетъ».

Новыя дороги проводились, а старыя исправлялись иногда не въ силу выяснившейся необходимости, но только потому, что онѣ лежали между покровительствуемыми властью городами или близкими сердцу (а иногда и карману) какого нибудь сильнаго вліятельнаго человѣка.

О положеніи просвѣщенія въ наказахъ находимъ неизмѣнную оговорку: «каждый знаетъ, какъ оно у насъ плохо». Университеты утратили свой блескъ, свое значеніе. Были и такіе, гдѣ люди, совершенно невѣжественные, получившіе за деньги или по протекціи должность, выдавали желающимъ дипломы на разныя ученыя степени. Настоящіе независимые люди были устранены. И вотъ изъ такихъ-то академій—жалуется одинъ наказъ—выходятъ наши юристы и медики; они овладѣваютъ довѣріемъ гражданъ, подвергая опасности ихъ жизнь и имущество.

Дѣло средняго и низшаго образованія было въ запущенномъ и хаотическомъ состояніи. Во главѣ гимназій («коллежей») стояли карьеристы, не имѣющіе ничего общаго съ педагогикой Учителя получали нищенскіе оклады; ихъ положеніе въ обществѣ было мало почетнымъ. Деревнѣ центральное правительство не оказывало никакой помощи въ дѣлѣ образованія крестьянскихъ дѣтей. Государство ничего не отпускало на содержаніе низшихъ школъ. Въ Таврнѣ—передаетъ одинъ наказъ—школьная учительница и учитель вынуждены ходить по домамъ и выпрашивать милостыню. Громадное число приходскихъ наказовъ подписано лишь ничтожной частью избирателей, потому что «остальные не умѣли писать». Даже многіе изъ приходскихъ *депутатовъ* никогда не учились грамотѣ...

У судей не было независимости; у власти—авторитета. Сословная рознь была очень остра; вѣротерпимость оставалась лишь на бумагѣ—только въ громкихъ актахъ, быстро преданныхъ забвенію. На крестьянахъ лежала еще мертвая рука крѣпостного права. Госпожа Роланъ говоритъ о сельскомъ населеніи: «наши крестьяне во сто разъ несчастнѣе караибовъ, гренландцевъ и эскимосовъ». Милліоны мирныхъ трудолюбивыхъ гражданъ были обречены на голодъ, на униженія и гибель тупыми порядками деспотизма и феодализма.

Евреи продолжали оставаться жертвами несправедливостей Администрація стѣсняла ихъ даже въ элементарнѣйшемъ изъ личныхъ правъ гражданина—правѣ передвиженія; выдача паспортовъ евреямъ обставлялась всевозможными придирками, служа источникомъ доходовъ для крупныхъ и мелкихъ чиновниковъ Только въ 1784 г. былъ отмѣненъ особый «поголовный» налогъ

на евреевъ, который, по словамъ декрета 1784 г., уподоблялъ ихъ животнымъ. Въ самомъ началѣ 1789 г. появилась и произвела большое впечатлѣніе брошюра еврея Бинга. Бингъ заявилъ: «евреи не просятъ ни милостей, ни благосклонности, а желаютъ справедливости и не хотятъ, чтобы коснѣли въ бездѣйствіи тѣ силы, что могли быть отданы на служеніе гражданскому обществу».

Все и всѣ томились наканунѣ событій 1789 г.

Въ атмосферѣ было нестерпимо душно. Томилась деревня, городъ, дворъ. Да, даже дворъ. Страшная скука разъѣдала «безполезное прекрасное общество». «Всѣ умираютъ здѣсь отъ тоски—жаловалась Вальполю госпожа дю-Дефанъ — никто не находитъ удовлетворенія въ самомъ себѣ, и каждаго преслѣдуетъ отвратительная тоска, царящая въ мірѣ».

Грустили принцессы, безъ дѣла бродившіе по цѣлымъ днямъ по огромнымъ заламъ пышнаго Версальскаго дворца. «Онѣ были блѣдны и безмолвны»—разсказываетъ одинъ современникъ. Сама королева не была избавлена отъ общей болѣзни—скуки. Все пріѣлось, опротивѣло. И нужны были дикія развлеченія, нуженъ былъ развратъ до самозабвенія, слѣпая вѣра въ чудеса, еще не испытанныя, острыя чудовищныя ощущенія.

Въ нѣкоторыхъ версальскихъ салонахъ шла грязная, азартная игра, превратившая ихъ въ дома самаго низшаго пошиба. У изнѣженныхъ маркизъ были весьма прозаическіе романы съ конюхами, лакеями. Никто не считается уже съ общественнымъ мнѣніемъ; все дѣлалось почти открыто, у всѣхъ на виду. «Плакала не только добродѣтель, но и простая благопристойность».

Въ высшихъ кругахъ развивается влеченіе къ таинственному сверхъестественному. Героемъ дня въ Версалѣ былъ одно время извѣстный чародѣй шарлатанъ графъ Александръ Каліостро (его настоящее имя Іосифъ Бальзамо). Версаль пригрѣлъ и другого шарлатана—вѣнскаго врача Месмера. Онъ объявилъ, что въ состояніи творить чудеса посредствомъ чана съ водой, въ которомъ торчали желѣзные прутья: излѣчивать болѣзни, возвращать женщинамъ молодость и обаятельность, мужчинамъ—силу. Французское Правительство предложило Месмеру за его секретъ 30 тысячъ франковъ, но тотъ потребовалъ полмилліона!

Таково было положеніе Франціи наканунѣ великой революціи!

Въ этой картинѣ читатель найдетъ много чертъ, напоминающихъ наше недавнее прошлое.

V. Учредительное Собраніе 1789-1791 г.

Одинъ изъ этаповъ французской революціи—французское учредительное собраніе признается исторіей учрежденіемъ совершившимъ колоссальную работу переустройства всего государственнаго и общественнаго быта страны.

Это учредительное собраніе выработало конституцію 1791 г. и провозгласило *суверенитетъ* народа, т. е. признало, что *всякая власть исходитъ отъ народа*, что *законъ есть выраженіе общей воли*. Подъ общей волей понимали волю численнаго большинства членовъ общества.

Учредительное собраніе проводитъ самое строгое *раздѣленіе* властей законодательной, исполнительной и судебной. Въ статьѣ 16-й «Декларацiи правъ человѣка и гражданина» мы читаемъ: «Общество, въ которомъ не установлено раздѣленія властей, не имѣетъ конституціи».

На необходимость раздѣленія властей съ особой силой указывалъ французскій политическій мыслитель Монтескье, и въ этомъ дѣлѣ выясненія вопроса Европа и Америка многимъ обязана именно его генію.

Политическая свобода — писалъ Монтескье — возможна только при ограниченномъ во власти правительствѣ, но и въ такомъ случаѣ она не всегда бываетъ достаточно обезпеченной. Свобода возможна только при отсутствіи злоупотребленія властью; но уже доказанно опытомъ вѣковъ, что всякій человѣкъ, обладающій властью, склоненъ злоупотреблять ею; онъ остановится только тамъ, гдѣ встрѣтитъ преграду. «Кто бы подумалъ это? Даже добродѣтель нуждается въ ограниченіяхъ. Для того, чтобы не происходило злоупотребленія властью, необходимъ такой порядокъ вещей, при которомъ одна власть сдерживалась бы другою».

Теорію раздѣленія властей Французское Учредительное Собраніе воплотило въ жизнь въ слѣдующихъ формахъ: законодательная власть поручается народомъ одной законодательной палатѣ; главой исполнительной власти—король (конституція 1791 г. была принята до суда надъ Людовикомъ XVI); судебная власть передается въ руки избираемыхъ народомъ судей.

Учредительное собраніе ввело въ жизнь два плодотворныхъ начала: 1) начало свободы личности и 2) начало равенства.

Собраніе уничтожило отдѣльныя сословія, на которыя до того распадалось все французское общество, и соединило всѣхъ въ одномъ классѣ «гражданъ».. Были отмѣнены дворянскіе титулы, гербы; запрещено ношеніе лентъ и орденовъ... Всякія ограниченія, связанныя съ происхожденіемъ, національностью и вѣроисповѣданьемъ французскихъ гражданъ, были уничтожены Учредительное собраніе объявило полную свободу слова и печати; отмѣнило всякія стѣсненія личной предпріимчивости въ выборѣ гражданиномъ занятій, мѣста жительства и т. д.

Въ «теоретичности работы этого собранія была и сильная сторона учрежденія, сдѣлавшаго тогда «принципы 1789 г. міровыми принципами, и сторона слабая. Никогда, быть можетъ во всей исторіи, литературныя и философскія идеи не оказывали такого огромнаго вліянія на законодательство, какъ именно въ 1789 г. Это былъ единственный въ своемъ родѣ грандіозный опытъ воплощенія чистой теоріи въ формы практической жизни. Но оторванность не случайная, а прямо принципіальная, законодателей отъ дѣйствительности, повела къ тому, что въ результатѣ всѣхъ измѣненій выиграли, главнымъ образомъ, обезпеченные классы (буржуазія), которые вскорѣ пріобрѣли и колоссальныя богатства и неслыханное до того времени общественное вліяніе...

VI. Французское Учредительное Собраніе 1848 г.

Въ ночь съ 23-го на 24-е февраля 1848 г. восточные кварталы Парижа покрылись баррикадами. Движеніе по улицамъ прекратилось. На баррикадахъ развѣвались флаги съ надписью

«Да здравствуетъ республика!» А 24-го февраля, въ полдень, послѣ трехдневныхъ уличныхъ битвъ, революція одержала рѣшительную побѣду. Сражавшійся народъ притащилъ королевскій тронъ изъ Тюльерійскаго дворца до площади Бастиліи, и здѣсь при кликахъ одобренія толпы, предалъ его сожженію. Подобно пеплу сожженнаго трона, разсѣялась и орлеанская монархія.

Было выбрано временное правительство, не отличающееся, къ сожалѣнію, необходимымъ единствомъ. Въ средѣ его не прекращались раздоры между разношерстными группами, которые совмѣстно совершили революцію. Одна группа (она называлась группой «Насіоналя», по имени умѣренно демократической газеты «National») хотѣла ограничиться лишь политическимъ переворотомъ и настаивала на немедленномъ созывѣ Учредительнаго Собранія, которое должно было организовать демократическую республику. Другая же—«Реформа»—отстаивала необходимость коренныхъ измѣненій во всемъ соціальномъ строѣ жизни; на ея знамени было написано: «Демократическая и соціальная республика». Раздоры этихъ группъ вели временами къ двоевластію; временами къ безвластію и полной анархіи. Парижскія улицы стали свидѣтелями кровавыхъ столкновеній.

4 мая 1848 г. было созвано Учредительное Собраніе въ составѣ 900 человѣкъ. Но рядомъ съ Національнымъ Учредительнымъ Собраніемъ, засѣдавшимъ въ бурбонскомъ дворцѣ, существовало особое Рабочее Собраніе въ Люксенбургскомъ Борьба этихъ двухъ Собраній привела къ іюльскому возстанію, и рабочее движеніе было задушено генераломъ Кавеньякомъ, затоплено въ крови. Его солдатамъ временное правительство выдало особыя почетныя награды. Учредительное Собраніе декретировало ссылку возстанцевъ. Въ Парижѣ ввели осадное положеніе. Политическіе клубы были закрыты. Свобода печати уничтожена: правительство закрыло въ одинъ день 32 газеты.

Учредительное Собраніе было запугано этими печальными событіями.

Раньше всего оно приняло Декларацію правъ, которая начиналась словами: «Передъ лицомъ Бога и именемъ французскаго народа Собраніе провозглашаетъ: Франція принимаетъ

республиканскій образъ правленія. Французская республика—демократическая».

Когда принято было это предложеніе, одинъ депутатъ сказалъ съ горькой ироніей:

— Я желалъ бы, чтобы это слово истолковалось въ смыслѣ, не дающемъ предлога для разстрѣла безоружныхъ...

Подъ словомъ «демократическая республика» Собраніе понимало введеніе во Франціи всеобщаго и прямого избирательнаго права.

Далѣе, читаемъ въ принятой Декларації: «Принципами республики являются Свобода, Равенство и Братство, а въ основѣ ея лежатъ семья, трудъ, собственность и общественный порядокъ.»

Декларація признаетъ за гражданами свободу печатнаго и устнаго слова, свободу союзовъ и собраній. Она уничтожаетъ исполнительные суды и смертную казнь.

По конституціи 1848 г., законодательную власть народъ поручилъ однопалатному Собранію, состоящему изъ 750 депутатовъ, выбранныхъ всеобщей подачей голосовъ. Государственный Совѣтъ, выбираемый Собраніемъ, долженъ былъ лишь подготовлять законопроекты. Исполнительная власть вручалась президенту. «Право всѣхъ гражданъ на трудъ и на призрѣніе», о которомъ такъ много говорили и за торжество котораго было пролито такъ много крови, Учредительное Собраніе не признало.

Президентомъ выбрали Людовика-Наполеона, будущаго императора.

Дѣло народа было проиграно.

Нѣкоторые его представители, болѣе смѣлые и благородные, громко протестовали. Одинъ изъ нихъ—Викторъ Гюго—писалъ объ этомъ протестѣ: «переворотъ бросилъ перчатку, и лѣвая подняла ее, подняла вызовъ, брошенный демократіи, свободѣ, народу. Повторяю: мы подняли перчатку, мы—это законъ, воплощенный законъ, который, въ крайнемъ случаѣ, можетъ

вооружиться и вступить въ битву. Ружье въ нашихъ рукахъ—это уже протестъ. Не знаю, побѣдимъ ли мы, но мы должны протестовать сначала въ парламентѣ; если онъ закрытъ—на улицѣ; если улица недоступна для насъ—въ изгнаніи; послѣ изгнанія въ могилѣ. Вотъ наша роль, наша обязанность, наше призваніе. Полномочіе представителей растяжимо: народъ даетъ его, а событія расширяютъ».

VII. Франкфуртскій парламентъ.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о германскомъ учредительномъ собраніи 1848 года, извѣстномъ подъ именемъ «Франкфуртскаго парламента». При громкомъ ликованіи либераловъ; подъ торжественный звонъ колоколовъ собрались во Франкфуртѣ 600 депутатовъ перваго парламента Германіи. Составъ ихъ былъ такой, что особыхъ надеждъ въ народѣ они не могли возбудить. Благодаря двухстепеннымъ выборамъ, въ парламентъ попали люди, лично мало извѣстные избирателямъ, ничѣмъ рѣшительно съ ними не связанные. Пролетаріату не удалось послать въ парламентъ своихъ друзей и защитниковъ.

Волна революціоннаго настроенія спадала очень быстро мѣщанское общество стало не на шутку пугаться краснаго призрака, которымъ страшили Германію реакціонеры. Депутаты съ преступнымъ легкомысліемъ отнеслись къ важнѣйшему вопросу объ организаціи такой вооруженной силы, которая могла бы защищать пріобрѣтенія революціи. Этотъ вопросъ былъ переданъ въ особую комиссію, состоящую изъ правыхъ депутатовъ, и застрялъ тамъ на четыре мѣсяца. Дорогое время было безвозвратно упущено, и всѣ дальнѣйшія рѣшенія учредительнаго собранія оказались пустыми, никому ненужными фразами. Депутаты не сумѣли закрѣпить побѣды народа, не сумѣли организовать нѣмецкаго общества и были, конечно, смѣтены окрѣпшей реакціей. Пренія въ собраніи носили почти всегда отвлеченный характеръ; они напоминали университетскій диспутъ ученыхъ. Среди депутатовъ было много либеральныхъ иновниковъ, которые полагали, что новый строй прочно укрѣпится въ Германіи съ той минуты, какъ во главѣ отдѣльныхъ управленій станутъ свободолюбивые начальники; было много представителей нѣмецкаго мѣщанства, напуганнаго революціей

и не довѣрявшаго народу; наконецъ, сюда сошлись теоретики —ученые, не обладавшіе, къ сожалѣнію, чувствомъ живой дѣйствительности. Они принесли на трибуну свою привычку къ доктринерскимъ и педантическимъ разсужденіямъ и не могли удержаться отъ искушенія произносить длинныя академическія рѣчи. По поводу такого состава депутатовъ нѣмцы говорили съ горькой иронiей:

75 бюрократовъ—красивыя фразы, дѣлъ никакихъ!

75 аристократовъ—родина, тебя предали!

75 профессоровъ—родина, ты погибла!

До чего Франкфуртскій Парламентъ не понималъ политическихъ реальныхъ задачъ, видно хотя бы изъ того факта, что обсужденіе перваго раздѣла проектируемой конституціи—«о правахъ германскаго народа» заняло цѣлыхъ полгода, «драгоцѣнныхъ полгода, въ то время, какъ каждый день, въ теченіе котораго не предпринималось ничего для закрѣпленія конституціонализма, былъ невозвратимой потерей»...

Франкфуртскій Парламентъ не далъ укрѣпиться революціонному настроенію въ Германіи, не принесъ никакихъ реальныхъ благъ народу и не обнаружилъ внутренней устойчивости когда волна бѣшенной контръ-революціи обратилась противъ него... Іюльскіе дни въ Парижѣ наполнили ужасомъ душу всей буржуазіи, а разгромъ французскихъ соціалистовъ ободрилъ реакціонеровъ. Франкфуртскій Парламентъ вызвалъ своей дѣятельностью глубокое презрѣніе и среди лѣвыхъ и среди правыхъ политическихъ группъ и скончался, никѣмъ не оплаканный..

Впрочемъ теперь всѣ стараются въ Германіи доказати что этотъ парламентъ воспиталъ въ народѣ духъ свободы!

Таковы были главныя европейскія учредительныя собранія

Для полноты перечня скажемъ еще, что нѣкоторые русскіе *земскіе соборы* тоже обладали учредительной властью: они изъ избирали новую династію (1598 г. и 1613 г.) или подтверждали право послѣдняго на занятіе престола (1584 г. и 1645 г.)

VIII. Основы русскаго учредительнаго собранія.

1. По характеру своему предстоящее русское учредительное собраніе будетъ—если судить по заявленіямъ нашего временнаго правительства—собраніемъ *Суверенным*.

Суверенным учредительным собраніемъ называется такое которое обладаетъ правомъ не только вырабатыванія текста закона, но и правомъ принятія его, правомъ окончательнаго утвержденія конституцій. Оно не обращается для санкціи ни къ монарху, ни къ народу. Вѣ рѣшенія его воспринимаютъ силу закона, обязателънаго для всѣхъ, безъ исключенія, гражданъ страны; немедленно послѣ принятія ихъ большинствомъ собранія или въ срокъ, указанный этимъ же большинствомъ. Такимъ суверенным собраніемъ было французское учредительное собраніе 1848 г. Наоборотъ, всѣ учредительныя собранія отдѣльныхъ штатовъ Сѣверной Америки обращались за санкціей выработанныхъ ими конституцій, за высшимъ одобреніемъ, къ народу, какъ единственной суверенной власти.

Нѣкоторые выдающіеся ученые и политическіе дѣятели находили, что члены учредительнаго собранія представляютъ собой весь народъ, они имѣютъ право говорить отъ его имени и принимать отвѣтственныя и «послѣднія» рѣшенія. Въ особенности—указываютъ сторонники этого взгляда—такія широкія полномочія должны чувствовать за собой народные представители въ бурное время революцій, когда быстро и смѣло приходится творить новое право—вѣдь законодатели стоятъ на разрушенномъ основаніи общества: обломки государственной организаціи устилаютъ почву, гдѣ всѣ старыя права уничтожены.

Членъ конвента Петерсъ изъ Иллинойса твердилъ въ учредительномъ собраніи въ Чикаго въ 1847 году:

— «Мы представляемъ собою верховную власть, мы—то, чѣмъ былъ бы народъ этого штата, если бы онъ весь собрался здѣсь. Мы-то, что говорилъ о себѣ Людовикъ XIV-й: мы—государство».

Но эта теорія рѣшительно опровергласъ въ учредительныхъ собраніяхъ штатовъ и противъ нихъ высказывались категорическія рѣшенія судовъ, которымъ въ С.-Америкѣ принадлежитъ, въ числѣ другихъ правъ, и право защиты конституціи отъ посягательствъ на не, отдѣльныхъ лицъ или учрежденій.

Обращеніе учредительныхъ собраній къ народу за утвержденіемъ конституцій обыкновенно называется *Плебисцитомъ*. На голосованіе народа законопроектъ отдается лишь въ окончательномъ видѣ, при чемъ народъ не имѣетъ права вносить въ законъ поправки, а только принимаетъ или отвергаетъ его цѣликомъ. Въ Европѣ идея плебисцита впервые возникла во Франціи въ эпоху великой революціи. 21 сентября 1792 г. былъ опубликованъ первый декретъ конвента: «Не можетъ существовать конституціи, которая не была бы принята народомъ!»

Проектъ конституціи 1791 г. былъ подвергнутъ плебисциту и принятъ 1,801,918 голосами противъ 11,610. Правда, народное голосованіе далеко не было свободнымъ; страна находилась подъ пятой самой безпощадной диктатуры якобинцевъ Не будемъ останавливаться дальше на способахъ учрежденій конституцій во Франціи, гдѣ со времени первой революціи было пересмотрѣно цѣлыхъ одиннадцать конституцій; укажемъ только что теперь во Франціи слово „плебисцитъ“ является связаннымъ съ самыми тяжелыми воспоминаніями: посредствомъ плебисцита были уничтожены въ этой странѣ всѣ завоеванія революціи, плебисциты дважды установили во Франціи, вмѣсто республики имперію и оба раза отдали государство въ руки честолюбцевъ и демагоговъ: Наполеона I и Наполеона III. Въ послѣдней (по времени) французской конституціи нѣтъ указаній на плебисцитъ. Возстановить плебисцитъ стремился извѣстный французскій искатель приключеній генералъ Буланже.

Опасность плебисцита заключается въ возможности злоупотребленій силой со стороны человѣка или группы, оказавшейся у власти. Нерѣдко пускаются въ ходъ самыя грязныя средства: запугиваніе, подкупъ, спаиваніе избирателей, запрещеніе газетъ, въ которыхъ приводятся нежелательныя идеи, арестъ враждебныхъ плебисциту политическихъ дѣятелей и такъ далѣе.

Но *въ такихъ государствахъ, гдѣ республиканскіе и демократическіе принципы пустили глубокіе корни*, (напр. въ Соедин. Штатахъ С. Америки) *плебисцитъ является весьма желательнымъ учрежденіемъ*. Приходится согласиться съ тѣми учеными, которые полагаютъ, что воля народа не всегда совпадаетъ съ волей его представителей или уполномоченныхъ, избранныхъ даже путемъ всеобщаго голосованія. Такъ, въ 1872 году швейцарскій народъ отвергнулъ конституцію, принятую его уполномоченными (большинствомъ болѣе двухъ третей голосовъ). Въ штатахъ американскаго союза, въ ряду плебисцитовъ, вызванныхъ пересмотромъ конституцій, число отрицательныхъ голосованій (т. е. голосованій противъ проектовъ, принятыхъ уполномоченными народа) почти столь же велико, какъ и число положительныхъ. Очевидно—выборы представителей не равносильны плебисциту. Учредительный плебисцитъ придаетъ писанной конституціи особую *гибкость*, облегчая возможность внесенія въ коституцію поправокъ и затѣмъ придаетъ конституціонному акту особую *авторитетность*.

Но по ходу вещей, *для русскаго учредительнаго собранія приходится признать желательнымъ именно суверенный характеръ*, исключающій возможность плебисцита. Намъ необходима умая спѣшная выработка и принятіе основныхъ законовъ станавливающихъ основы новаго строя общественно-политической жизни; только такое спѣшное проведеніе русской конституціи явится гарантіей противъ возможной и, кажется, уже надвигающейся анархіи и опасной междоусобной войны. Состояніе всѣхъ областей жизни нашей страны нуждается теперь въ быстромъ непрерывномъ прогрессѣ, осуществляемомъ мирнымъ путемъ и яснаго закона и сильной власти. Ужъ одинъ созывъ учредительнаго собранія, на началахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія при переживаемыхъ нами условіяхъ напряженной внѣшней войны и печальнѣйшемъ разстройствѣ экономической жизни, и въ частности разстройствѣ сообщеній между городами, представляетъ дѣло, которому нужно отдать много вниманія, силъ, матеріальныхъ средствъ. Въ Россіи имѣются десятки тысячъ населенныхъ мѣстъ, куда необходимо послать толковыхъ людей для разъясненія смысла переживаемыхъ событій и подготовки выборовъ. Составленіе избирательныхъ списковъ въ короткій срокъ представляетъ пря-

мо гигантскую работу; обращеніе всѣхъ русскихъ городовъ въ обширныя аудиторіи, гдѣ звучало бы живое горячее слово, тоже трудъ огромный: намъ желательно, конечно, чтобы выборы производились сознательно и чтобы уполномоченные были раньше всего политическими воспитателями народа, а не случайными его господами. Затѣмъ мы считаемъ въ настоящее время прямо необходимымъ устраненіе всего того, что должно лишній разъ волновать страну, разжигать страсти, вызывать эксцессы и что не является строго-необходимымъ для укрѣпленія первооснововъ политическаго строя.

Ошибка, роковая, непоправимая ошибка дѣятелей германской революціи 1848 г., состояла въ томъ, что не успѣли законодательнымъ образомъ укрѣпить завоеванныхъ въ мартѣ свободъ и дали возможность реакціи оправиться.. Совершенно ясно, что въ данное время народу легче будетъ оцѣнить личныя достоинства кандидатовъ въ члены учредительнаго собранія, легче будетъ разобраться въ выводахъ, желательности или нежелательности для нихъ тѣхъ или другихъ партійныхъ лозунговъ, чѣмъ сознательно высказаться за точно формулированную конституціонную поправку.

II. Предстоящее учредительное собраніе будетъ, конечно и *избирательнымъ*, такъ какъ однимъ изъ предстоящихъ его разрѣшенію вопросовъ будетъ и вопросъ о преемствѣ и характерѣ высшей власти во всемъ его объемѣ. Основной вопросъ, который должно рѣшить это избирательное собраніе: быть ли у насъ монархіи или быть республикѣ?

Монархія есть такая форма государственнаго устройства, гдѣ верховная государственная власть принадлежитъ безсрочно одному лицу, которое пользуется ею по собственному праву, не переданному ему никакой другой выше его стоящей властью.

Наоборотъ, въ *республикѣ* власть эта передается опредѣленному лицу (президенту) всегда на срокъ и передается именно народомъ, которому одному принадлежитъ верховенство—суверенитъ.

Вспомнимъ, что идея народнаго самедержавія раньше всего выражается въ положеніи утвержденномъ «Декларацією правъ человѣка и гражданина»: «Никакое учрежденіе и ника-

кое лицо не могутъ осуществлять власти, не исходящей прямо отъ народа» («Декларація» 1789 года, статья 3-я).

Можетъ ли народъ, завоевавшій себѣ свободу, отказаться отъ своего суверенита?

По этому поводу мы находимъ у французскаго юриста-мыслителя такое разсужденіе:

«Отчужденіе мыслимо только въ области частнаго права по отношенію къ продуктамъ человѣческаго труда, имѣющимъ мѣновую цѣнность. Оно немыслимо въ области публичнаго права. Юридически народъ, такъ же какъ и отдѣльная личность, не можетъ продать себя или отречься отъ себя; полититеская свобода неотчуждаема. Но если даже допустить, что неотчуждаемость не составляетъ необходимаго признака самой верховной власти—самодержавія народа, то все же тотъ актъ, которымъ нація отказалась бы отъ нея, долженъ считаться юридически недѣйствительнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, вы можете отчуждать только что-нибудь принадлежащее вамъ; но народное самодержавіе не составляетъ собственности одного поколѣнія; ему принадлежитъ только необходимое и законное пользованіе имъ; народное самодержавіе—достояніе націи, восплощенной въ государствѣ, т. е. цѣлаго ряда поколѣній; оно настолько же принадлежитъ будущимъ людямъ, какъ и живущимъ въ данную эпоху. Это—неприкосновенный фондъ, переходящій отъ одного къ другому.»

Эта неоспоримая истина прямо выражена во многихъ конституціяхъ.

Во французской конституціи 1791 г. читаемъ:

«Верховная власть—едина, недѣлима, неотчуждаема и неотъемлема: она принадлежитъ націи».

Первая статья конституціи 1848 года гласитъ:

«Верховная власть пребываетъ во всемъ составѣ французскихъ гражданъ. Она—неотчуждаема и неотъемлема».

Идея народнаго самодержавія рѣшительно несовмѣстима съ монархіей.

Подумаемъ только: народное самодержавіе вѣдь выражается въ двухъ фактахъ: во-первыхъ, всѣ власти должны исхо-

дить отъ народа, который поручаетъ лицамъ или учрежденіямъ ихъ осуществленіе, и во вторыхъ, тѣ, на которыхъ возложено народомъ осуществленіе этихъ властей, отвѣтственые передъ народомъ въ томъ, какъ они пользуются своими полномочіями. Но отвѣтственность, достигаемая преслѣдованіемъ по суду или отрѣшеніемъ отъ должности, не приложима къ монарху по самому существу монархической власти (есть даже старое правило: «Augustus legibus salutus est—монархъ свободенъ отъ подчиненія законамъ») и эта отвѣтственность, когда прилагается къ лицамъ, облеченнымъ свойствами верховной власти, неизбѣжно приводитъ къ перевороту, революціи, народной смутѣ. Примѣры этому мы находимъ въ исторіи Англіи, Франціи, Мексики.

Послушаемъ, что говоритъ по этому поводу тонкій знатокъ государственнаго права профессоръ А. Эсменъ:

«По отношенію къ народнымъ представителямъ существуетъ только одна, хотя и косвенная, но всегда возможная и достигшая цѣли отвѣтственность: отвѣтственность, обусловливающаяся срочностью ихъ полномочій. Тотъ, чьи полномочія кончаются черезъ опредѣленный срокъ—если только этотъ срокъ не особенно длиненъ—и кто вступаетъ затѣмъ въ разрядъ простыхъ гражданъ, если его полномочія не возобновятся, по всей вѣроятности, не употребитъ во зло порученной ему власти. Во всякомъ случаѣ, онъ можетъ злоупотреблять ею только въ теченіе ограниченнаго времени. Такимъ образомъ срочность всѣхъ полномочій, не подлежащихъ прямому контролю, является, повидимому, естественнымъ, почти неизбѣжнымъ послѣдствіемъ народнаго самодержавія; а чтобы это простое и основное правило достигало цѣли, необходимо, чтобы продолжительность была во всякомъ случаѣ меньше продолжительности человѣческой жизни, а это исключаетъ даже избирательную монархію».

Республиканская форма государственнаго устройства уже имѣла мѣсто и въ русской исторіи.

Республиками слѣдуетъ признать древній Новгородъ, Псковъ, отчасти Кіевъ. Князья тамъ были лишь начальниками войскъ; ихъ то приглашали, то изгоняли, и власть народнаго избранія была существенной верховной властью.

Отмѣтимъ еще, что не всегда слово «республика» означаетъ торжество народоправства, не всегда свидѣтельствуетъ оно объ участіи въ законодательствѣ широкихъ народныхъ массъ. Древне-римская, напримѣръ, республика была построена на рабствѣ; политическія и даже гражданскія права принадлежали въ ней лишь ничтожному меньшинству населенія. Въ средніе вѣка возникло въ Италіи довольно много республикъ (Генуя, Венеція и др.), но тамъ властвовала лишь небольшая кучка людей, сильныхъ своимъ богатствомъ или связями. Бѣднымъ труженникамъ жилось въ такихъ республикахъ очень тяжело; ихъ интересы не были защищены, личность, имущество и жизнь не были ограждены ни закономъ, ни обычаемъ.

Говоря о республикѣ, какъ о желательной формѣ государственнаго устройства, мы имѣемъ въ виду только *демократическую республику*, т. е. такую, въ которой существеннымъ творцомъ и закона и жизни является весь народъ, а не тѣ или другіе отдѣльные, привиллегированные его группы и классы.

Идеѣ полнаго народоправства отвѣчаетъ лишь однопалатная система законодательныхъ собраній. Если мы будемъ употреблять прежнюю терминологію, то скажемъ, что въ будущей нашей республикѣ должна быть лишь одна государственная дума, государственный же совѣтъ придется навсегда упразднить.

III. Третьей особенностью русскаго учредительнаго собранія является то, что оно созывается на основахъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія.

Эта система выборовъ обезпечиваетъ всѣмъ гражданамъ безъ различія имущественной состоятельности, занятій, сословій и пр., право, путемъ выбора депутатовъ въ представительное собраніе, участвовать въ созданіи первоосновъ будущей политической жизни родной страны. Вотъ почему такой видъ голосованія называется *всеобщимъ*. Принципъ всеобщаго избирательнаго права основывается на неотъемлемомъ правѣ человѣка рѣшать свою судьбу.

Но не слѣдуетъ, конечно, думать, что при всеобщемъ избирательномъ правѣ принимаютъ участіе въ выборахъ «всѣ», безъ всякаго исключенія. Нѣкоторыя категоріи непремѣнно

должны быть отстранены отъ пользованія этимъ правомъ: дѣти, душевно-больные, лишенные по суду правъ состоянія за преступленіе, позорящее честь и достоинство человѣка... Къ числу лицъ, не пользующихся правомъ участвовать въ выборахъ предположено у насъ отнести и дезертировъ. Правда, кое-кто въ комиссіи по установленію принциповъ выбора въ Учредительное собраніе пытался причислить дезертировъ къ разряду политическихъ преступниковъ, чья вина носитъ будто бы характеръ особаго убѣжденія, а за религіозныя, общественныя и др. убѣжденія люди не могутъ быть наказаны лишеніемъ политическихъ правъ. Но съ этой своеобразной точкой зрѣнія большинство комиссіи не согласилось.

Такимъ образомъ, къ осуществленію избирательнаго права допускаются всѣ граждане, имѣющіе общую юридическую правоспособность.

Нерѣдко пользованіе избирательнымъ правомъ ставится еще въ зависимость отъ опредѣленнаго времени, которое избиратель долженъ прожить въ своемъ избирательномъ округѣ, а также и отъ нѣкоторыхъ другихъ условій.

Всеобщее избирательное право теперь побѣдоносно пробивается во всемъ мірѣ. Въ началѣ XIX-го вѣка сторонники его старались обосновывать свои требованія на «естественномъ равенствѣ людей». Но теперь рѣдко кто прибѣгаетъ къ этому доводу: вѣдь люди, въ сущности, весьма различны и по степени политической зрѣлости, и по личнымъ качествамъ: уму, талантливости, честности. При введеніи всеобщаго избирательнаго права главнымъ образомъ считались съ политическими соображеніями: во Франціи, напримѣръ, въ 1848 г. временное правительство желало сдѣлать участниками рѣшеній вопросовъ государственнаго строительства по возможности всѣхъ гражданъ и въ то же время желало избѣгнуть плебисцита, котораго боялось по причинамъ, уже объясненнымъ нами выше. Въ настоящее время и ученые и практическіе дѣятели признаютъ, что спокойное и мирное развитіе государства возможно только при условіи самаго широкаго участія трудящихся массъ въ политическомъ строительствѣ. Такое участіе обезпечиваетъ большую устойчивость производимой въ странѣ политической реформы, перекладываетъ отвѣтственность за послѣдствія политическихъ

мѣропріятій съ плечъ одного какого нибудь класса на весь народъ, создаетъ въ средѣ рабочихъ и крестьянъ атмосферу удовлетворенности, наконецъ, даетъ возможность трудящемуся народу стойко защищать свой интересъ въ учредительномъ собраніи или парламентѣ.

Первое, совершенно-естественное и безусловно-необходимое ограниченіе избирательнаго права связано съ возрастомъ Всякій понимаетъ, что дѣти не могутъ сознательно рѣшать отвѣтственныхъ политическихъ вопросовъ, что для такого рѣшенія необходима зрѣлость. Эта зрѣлость различными конституціями опредѣляется различно. Въ Германіи, напримѣръ, въ имперскомъ законодательствѣ проведенъ 25-тилѣтній возрастъ и къ выборамъ въ нашу Государственную Думу допускались тоже съ 25 лѣтъ. Возрастъ съ котораго будутъ допускать къ выборамъ въ наше Учредительное Собраніе уже почти установленъ. Этотъ возрастъ, по всей вѣроятности будетъ 18 лѣтъ. (Такой же возрстъ признанъ достаточнымъ для участія въ политической жизни ивъ швейцарскомъ Кантонѣ Швицѣ).

Право выбирать и быть выбранными получаютъ у насъ и *женщины*. При выборахъ въ Финляндскій сеймъ уже 11 лѣтъ голосуютъ женщины. Въ настоящее время въ положительномъ смыслѣ рѣшенъ вопросъ объ участіи женщинъ въ политическихъ выборахъ и въ Англіи—странѣ съ наиболѣе древнимъ и наиболѣе совершеннымъ парламентскимъ строемъ. По словамъ министра—гражданина Керенскаго, «мы не одни вошли въ храмъ свободы—мы ввели туда и нашу сестру».

Равное избирательное право предполагаетъ отсутствіе при голосованіи какихъ бы то ни было преимуществъ и привиллегій отдѣльныхъ лицъ или группъ населенія. «Каждый избиратель имѣетъ только одинъ голосъ»—такъ гласитъ эта по истинѣ демократическая формула. Не должно быть гражданъ, обладающихъ нѣсколькими голосами, и политическая мысль новаго времени не допускаетъ положеній, чтобы были граждане, не имѣющіе совсѣмъ голоса при рѣшеніи законодательныхъ вопросовъ.

Историческій опытъ показалъ, что представительство, созданное ограниченнымъ избирательнымъ правомъ, всегда ведетъ

къ тому, что защищаются въ законодательныхъ учрежденіяхъ лишь интересы состоятельныхъ классовъ. Мы видимъ много печальныхъ примѣровъ этому въ старомъ англійскомъ парламентѣ и въ старыхъ французскихъ законодательныхъ собраніяхъ (въ Эпоху Реставраціи и Іюльской монархіи) и въ германскихъ ландтагахъ.

Прямые выборы имѣютъ то огромное преимущество передъ *косвенными* или *степенными*, что послѣдніе всегда устраняютъ непосредственное отношеніе и внутреннюю живую связь съ избранными депутатами и тѣмъ значительно умаляютъ политическое значеніе депутата, который долженъ быть силенъ и крѣпокъ именно прикосновеніемъ къ посылающимъ его въ законодательное учрежденіе народнымъ массамъ, какъ нашъ Микула Селяниновичъ былъ силенъ—прикосновеніемъ къ древней матери землѣ.

При косвенныхъ выборахъ первичные, начальные избиратели выбираютъ «выборщиковъ», а послѣдніе уже выбираютъ депутатовъ. Защитники косвенныхъ выборовъ указываютъ обыкновенно на то, что народная масса часто бываетъ мало способна выбирать подходящаго депутата; но въ то же время избиратели въ каждой общинѣ имѣютъ полную возможность отмѣтить въ своей средѣ нѣсколько человѣкъ, которымъ они могутъ довѣрить заботу о пріисканіи способнаго кандидата! Противъ этого довода говоритъ тотъ фактъ, что въ настоящее время въ странахъ, гдѣ господствуетъ система косвенныхъ выборовъ, избиратели не представляютъ выборщикамъ опредѣленія подходящаго депутата. Всегда раньше всего выставляется кандидатъ и «выборщики» избираются не потому, что ихъ считаютъ способными найти подходящаго депутата, но потому, что они предварительно обязались подать голосъ за того или иного кандидата». Роль выборщиковъ просто сводится къ роли почтальоновъ, передающихъ избирательную записку гражданъ. Это знаетъ каждый слѣдившій хотя бы за выборомъ президента Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

Тайное голосованіе обезпечиваетъ независимость рѣшеній: нечего человѣку служащему, напримѣръ, бояться «глаза» своего хозяина, рабочему—фабриканта и т. д. Нѣкоторые ученые возражаютъ противъ тайнаго голосованія. Они утверждаютъ, что

граждане должны обладать соотвѣтствующимъ политическимъ мужествомъ, чтобы открыто и смѣло заявить, за кого они голосуютъ «Тайное» голосованіе, по мнѣнію этихъ ученыхъ, убиваетъ въ людяхъ прямоту, готовность отстоять свое мнѣніе и готовность поддержать посланнаго ими депутата.

Французское учредительное собраніе 1790 г. было созвано на основаніи письменной и тайной подачи голосовъ. Но что дѣлать съ населеніемъ страны, гдѣ большинство населенія неграмотно? Этотъ вопросъ стоялъ и передъ французскимъ учредительнымъ собраніемъ; онъ стоитъ и передъ нами: вѣдь и въ нашемъ отечествѣ, къ великому нашему несчастію, процентъ грамотныхъ въ Россіи весьма незначителенъ. Во Франціи тогда рѣшили такъ (по предложенію депутата Мадье-де-Монжо): «избирательная записка можетъ быть написана самимъ избирателемъ или тремя старшими членами избирательнаго собранія или же тремя счетчиками голосовъ.

Во времена Директоріи было постановлено, чтобы заносились въ списокъ избирателей только умѣющіе читать и писать; такимъ образомъ неграмотные были совершенно отстранены отъ участія въ выборахъ. Мѣра, конечно, рѣшительно неправильная.

Въ наши дни противъ тайной подачи голосовъ все рѣже и рѣже раздаются возраженія. По мѣрѣ распространенія избирательнаго права на все большіе круги населенія, вѣдь растетъ и необходимость гарантировать независимость избирателей отъ вліяній экономически-сильныхъ классовъ. Въ періоды сильнаго политическаго возбужденія явная подача голосовъ можетъ сдѣлаться весьма опаснымъ орудіемъ въ рукахъ демагоговъ. Извѣстно, напримѣръ, что при выборахъ въ конвентъ якобинцы терроризовали населеніе Парижа, благодаря именно явности голосованія.

Сколько будетъ вообще депутатовъ въ нашемъ Учредительномъ Собраніи! Особое совѣщаніе по созыву его установило количество депутатовъ Учред. Собранія въ 800 человѣкъ по расчету: одинъ депутатъ на 200,000 населенія. Избирательнымъ округомъ постановлено считать губернію; наши столицы—Петроградъ и Москва—выдѣляются въ особые округа.

Есть еще одинъ вопросъ, связанный съ выборами въ русское учредительное собраніе, на которомъ необходимо остановиться.

Будетъ ли при этихъ выборахъ обезпечено право меньшинства?

Меньшинство можетъ быть національное, вѣроисповѣдное и т. п. Можетъ оказаться небольшая количественно группа, которая захочетъ отстаивать противъ большинства свои права на опредѣленный языкъ, опредѣленную религію, общественный бытъ..

Многія конституціи (главнымъ образомъ — американскія) берутъ подъ свою защиту эти права меньшинства. Идея защиты меньшинства нашла себѣ яркое выраженіе въ Нидерландахъ, въ Бельгіи, въ Норвегіи, въ Швейцаріи.

Есть области (напримѣръ, область религіозныхъ вопросовъ)-гдѣ всегда раздавался протестъ противъ принципа большинства, власть большинства здѣсь чувствовалась всегда, какъ грубое насиліе. Въ наши дни такую область, не признающую власть большинства, создаютъ и національныя группы. «Въ германскомъ совѣтѣ, когда разрѣшаются вопросы, касающіеся особыхъ правъ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ, для ихъ измѣненія необходимо согласіе тѣхъ государствъ, которыхъ это измѣненіе касается: такъ, напримѣръ, шесть баварскихъ или четыре вюртенбергскихъ голоса парализуютъ своимъ протестомъ всѣ остальные голоса».

Необходимость защищать извѣстные (религіозные, національные) интересы меньшинства доказана исторіей. Національная однородность Франціи не давала возможности внести раздоръ въ революціонныя силы. Между тѣмъ племенная вражда въ Германіи внесла осложняющее и тормозящее начало въ австрійскую и германскую революціи. Угнетенные славяне явились въ Австріи консервативной силой и спасли монархію Габсбурговъ противъ нѣмецкихъ радикаловъ и мадьяръ.

Національная и племенная черезполосица въ революціонной рати значительно перепутываетъ карты если интересы меньшинства не обезпечены основными законами; она является нерѣдко орудіемъ шантажа со стороны темныхъ элементовъ страны, приверженцевъ стараго. И въ Пруссіи, и въ Австріи, и у насъ въ Рос-

сіи «черносотенцы» охотно сваливаютъ все на лукавыхъ инородцевъ, которые «мутятъ и добиваются для себя свободъ». Въ Берлинѣ въ 1848 г. начальство въ своихъ объявленіяхъ и донесеніяхъ разсказывало, что защитниками баррикадъ руководили поляки и французы, которые на дѣлѣ, впрочемъ, оказались чистокровными нѣмцами: токарь Гессе, ветеринарный врачъ Урбанъ, гласный Берендсъ, механикъ Зигристъ и др. Въ прокламаціи прусскаго короля отъ 18 марта 1848 г. говорится: «шайка злоумышленниковъ, составленная главнымъ образомъ изъ иностранцевъ, оклеветала дѣйствія вѣрныхъ мнѣ войскъ».

Генералъ фонъ-Вебернъ говорилъ солдатамъ: «Товарищи, кому мы собственно обязаны революціей? Никому другому, какъ французамъ и польскимъ выходцамъ, которыхъ всѣхъ стоило бы вздернуть на осину».

Любопытно здѣсь отмѣтить, что революція 48-го года создала національное германское единство, о которомъ мечталъ до того рядъ поколѣній, какъ объ идеалѣ, тѣмъ не менѣе иностранцы были предметомъ самыхъ рѣзкихъ нападокъ со стороны приверженцевъ политическаго застоя, говорившихъ (а, можетъ быть, даже и думавшихъ), что они отстаиваютъ не свои дурныя привычки, предразсудки и привиллегіи, а защищаютъ будто бы исконныя германскія начала противъ посягательствъ чуждыхъ германскому духу людей.

Желаніе защитить интересы меньшинства (племеннаго, вѣроисповѣднаго, иногда и партійнаго) дало поводъ къ составленію проектовъ о допущеніи въ учредительное собраніе и парламентъ, на ряду съ представителями большинства, и представительство интересовъ меньшиства, при чемъ депутатскія мѣста предлагалось распредѣлить сообразно распространенности отдѣльныхъ политическихъ направленій или численному составу національныхъ группъ. Этимъ думали установить принципъ такъ называемыхъ *пропорціональныхъ выборовъ*.

Подробно о слабыхъ и сильныхъ сторонахъ такихъ выборовъ мы говоримъ въ другомъ мѣстѣ [въ брошюрѣ; „Права меньшинства и пропорціональные выборы“]

Во всякомъ случаѣ русскимъ гражданамъ слѣдуетъ теперь-же имѣть въ виду настоятельную необходимость обезпе-

чить за народами, населяющимй великую Россію, права на національное самоопредѣленіе.

Большія и малыя народности, населяющія Россію, всѣ стремятся въ настоящее время къ *автономіи*.

Слово «автономія» (по-гречески «автосъ»—самъ, номосъ—законъ) указываетъ на то, что законы издаются для автономнаго союза не извнѣ, не болѣе обширнымъ союзомъ, въ кругъ котораго автономная единица входитъ, какъ составная часть а ею самой. Но надо имѣть въ виду, что автономія и не предполагаетъ, чтобы источникомъ всѣхъ рѣшительно законовъ была воля этой автономной единицы; нѣкоторыя, особенно важныя для всего союза положенія, подлежатъ, конечно, надзору и законодательству органа, въ которомъ объединяется весь государственный союзъ.

Возьмемъ федеративное государство Германію; каждая автономная часть, входящая въ ея составъ, имѣетъ свое законодательное собраніе, свое управленіе дѣломъ народнаго просвѣщенія, путями сообщенія и т. д., но въ силу 4-й статьи германской конституціи, надзору и законодательству не автономныхъ государствъ, а именно объединяющаго ихъ союза—имперіи подлежатъ нижеслѣдующіе предметы:

1. постановленія о свободѣ передвиженія, объ условіяхъ осѣдлости, о правахъ гражданства, о страхованіи, о колонизаціи и эмиграціи во внѣгерманскія земли;

2. таможенное и торговое законодательство, налоги, идущіе на удовлетвореніе потребностей всего союза;

3. установленіе системы мѣръ, монетъ, вѣсовъ, условій выпуска бумажныхъ денегъ, патенты на изобрѣтенья и т. д.

Въ отношеніи нѣкоторыхъ предметовъ германская имперія не представила отдѣльнымъ государствамъ правъ самоуправляющихся единицъ. Это относится раньше всего къ сношеніямъ съ иностранными государствами, къ военно-морскому дѣлу, высшему почтовому и телеграфному управленію и нѣкоторымъ другимъ. Но существуетъ значительный кругъ публично-правовыхъ дѣйствій, которыя всецѣло остались за автономными единицами, и онѣ осуществляютъ эти дѣйствія не по порученію имперіи, а въ силу собственнаго права.

Найти форму автономій для населяющихъ Россію народностей—одна изъ существеннѣйшихъ задачъ нашего Учредительнаго Собранія.

Учредительное собраніе—не есть магическое слово, одно произнесеніе котораго творитъ чудеса сокрушенія всѣхъ враговъ свободы. Для совершенія этихъ чудесъ Учредительному Собранію необходимы сочувствіе большинства народа и дѣйствительная поддержка арміи. Но армія въ настоящее время тотъ же народъ, только вооруженный. Для того, чтобы народное сочувствіе и содѣйствіе проявлялись и не ослабѣвали, Учредительное Собраніе должно установить не однѣ лишь основныя начала самыхъ широкихъ соціальныхъ реформъ обезпечивающихъ насущные интересы трудящихся массъ. Первыми изъ этихъ соціальныхъ вопросовъ должны быть поставлены и разрѣшены вопросы аграрный (земельный) и вопросъ рабочій

Нужно установить, какія земли и на какихъ основаніяхъ слѣдуетъ отобрать у землевладѣльцевъ и какъ эти отобранныя земельныя богатства распредѣлить между землеробами. Будетъ ли данъ помѣщикамъ выкупъ за землю или возьмутъ ее безъ выкупа? Сколько оставятъ помѣщику земли для обработки? Объявятъ ли всѣ земельныя имущества, весь земельный фондъ общегосударственнымъ достояніемъ? Это все вопросы отъ правильнаго или неправильнаго рѣшенія которыхъ зависитъ не только будущее положеніе сельскаго хозяйства, но положеніе всей экономической жизни страны.

Въ рабочемъ вопросѣ придется опредѣлить число часовъ ежедневнаго труда рабочаго, придется узаконить свободу стачекъ, установить организацію страхованія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ, на старость и т. д.

Выводъ нашъ таковъ: будущіе основные законы должны по мѣрѣ возможности полно опредѣлить новый строй политической и соціальной жизни Россіи, должны обезпечить религіозную и національную свободу меньшинства, и обезпечить то, что называется *культурной автономіей*.

КОНЕЦЪ.

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. В.К.П. (б.)

ИЗДАНІЯ

Типографіи «ПЕЧАТНИКЪ»

М. КОЗМАНА

Одесса, Пушкинская ул. № 57.

Х. Рытъ Чего добиваются соціалъ-демократы Большевики (опытъ изложенія программы минимумъ и тактики большевизма) ц. 35 к.

Х. Рытъ Коалиціонное правительство и пролетаріатъ ц. 15 к.

Х. Рытъ Борьба за власть въ русской революціи 1917 г. ц. 30 к.

В. Либкнехтъ Пауки и мухи или капиталисты и пролетаріи ц. 5 к.

Г. Гершанскій Что такое заработная плата ц. 25 к.

Хитрая механика (какъ взимаются подати и на что онѣ идутъ) ц. 25 к.

В. Браке Долой Соціалъ-Демократовъ ц. 30 к.

А. Иновинъ Русское Учредительное Собраніе ц. 50 к.

А. Сиговъ Какъ Николай Романовъ отрекся отъ престола ц. 15 коп.